

не выполнили своего задания — „стреши прихода царева, не дати воли воевати Русския земли“, потому что „они себя сторожаху, а не земли своея“, результатом чего явилась „гибель христиан“. В 1513 году Василий III снарядил большой поход под Казань, но русские воеводы не взяли города потому, что перепились и начали „глумитися, играти и спати до полудня“. Казанский хан Сафа-Гирей воспользовался этим и разбил русские отряды наголову. В 1524 году черемисы уничтожили под Казанью „ладейную рать“ только потому, что русские войска были разведены, а бесталанное руководство начального воеводы кн. Ивана Бельского привело к тому, что было потеряно „30 000 человек“, воеводы „не постояли у Казани единого дня“ и вернулись домой. В 1530 году блестяще начатый поход под Казань, когда был взят острог и начат штурм города, при самых благоприятных условиях (Сафа-Гирей убежал из города, „а Казань пусту оставив“), закончился по существу победой татар, заключивших с Москвой мирный договор. Случилось это потому, что начальный воевода, тот же кн. Иван Бельский, „прелстися, много себе взяша у казанцев, и того ради же сами остались и иного же понуди“.

Автор „Казанской истории“ рассказывает и о том, как в Москве казанские послы неоднократно подкупали „палатных бояр“, „вельмож“, „поборников творяще по себе“, чтобы они „печаловались“ в пользу казанцев. Некоторые списки „Казанской истории“¹ объясняют сговор Ивана Бельского с казанцами его давнишними связями с врагами русского народа за спиной Москвы: „яко бе в нем большая измена с казанцы, ходяще войною, не воеваху градов и сел его“.²

С особой силой обрушивается автор на высшее сословие, дойдя до описания событий времени Ивана Грозного. Он строго осуждает всю знать — „бояр и велмож и судей градцких“ — за то, что в годы малолетства Ивана IV они „самовластием“ жили. Бесчинства вельмож привели к тому, что „неправды умножишася, обиды, тадбы и разбой и убийства, по всей земле рыдания и вопль велик“.

Реальные портреты князей и бояр „недоброхотов“, ленивцев, взяточников, выведенные в „Казанской истории“, завершает вымышленный образ предателя Юрия Булгакова,³ тайно сообщившего казанскому хану Едигеру места подкопов, которые велись русскими войсками

¹ В настоящей статье цитаты из текста „Казанской истории“ приводятся по спискам первой редакции произведения. В основу издания памятника, подготовляемого Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Академии Наук СССР, взята рукопись, хранящаяся в Институте русской литературы из собрания В. Н. Петрова Q.26-П; разночтения к тексту по рукописям: 1) Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрание Н. А. Никифорова № 174; 2) Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F.IV.578; Q. XVII, 209; собрание Соловецкого монастыря № 1501/42; 3) Библиотеки Академии Наук СССР, собрание И. И. Срезневского 24.5.9.

² F.IV. 578, л. 183.

³ В „Казанской истории“ образ Юрия Булгакова намеренно сближен автором с биографией князя Юрия Михайловича Булгакова, принадлежавшего к родовой московской знати. Исторический образ князя Ю. М. Булгакова, неоднократно затевавшего местные споры и бесконечные суды [свидетельства см. в „Древнейшей разрядной книге“ (М., 1901, стр. 110, 133, 149, 154—155), в „Историческом сборнике“ (т. II, стр. 10—11) и в „Актах Археографической экспедиции“ (т. I, СПб., 1836, стр. 345)], умело использован в „Казанской истории“. Хотя автор и не называет прямо имени родины Юрия Булгакова князем Ю. М. Булгаковым, а представляет его „воином царева полка“, тем не менее современникам был совершенно ясен смысл, вложенный автором в характеристику этого предателя. Не случайно поэтому вторая редакция „Казанской истории“, возникшая в иной политической обстановке — после смерти Ивана Грозного, не имеет в своем составе рассказа о Юрии Булгакове и о наказании, заслуженно понесенном им.